

УДК 069.02:355+069.5:314.743

Л. П. Муромцева

ВОЕННЫЕ МУЗЕИ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Одной из важнейших черт жизни российской эмиграции первой волны стало сохранение военно-исторических традиций старой России, символики Русской армии. Много внимания эмигранты уделяли уходу за могилами воинов, павших в годы Первой мировой войны. Наши соотечественники, оказавшиеся волей судеб в изгнании, думая о будущем своей Родины, никогда не забывали о славных страницах ее истории. «Духовно Россия возродится только своим прошлым. Без всякого преувеличения можно сказать, что Россию спасут и воскресят Дмитрий Донской и Сергей Радонежский, Петр Великий и Пушкин», писал в 1925 г. П. Б. Струве, проживавший между двумя мировыми войнами в Югославии¹. Эта сторона деятельности российской послереволюционной эмиграции до сих пор изучена недостаточно, хотя она давно уже заслуживает внимательного рассмотрения².

Особенно активная военно-патриотическая работа велась эмигрантами во Франции и Югославии. Значительная часть эмигрантских музейных коллекций во Франции отражала историю русской армии, Первой мировой и Гражданской войн. До сих пор в Курбеуа-Анвер, северном пригороде Парижа, в доме под номером 12 на улице Сан-Гюйом располагается Музей лейб-гвардии Казачьего полка, учрежденного Павлом I в 1798 г. Возник он на основе собраний полкового музея, вывезенных после февраля 1917 г. из Петрограда в Новочеркасск по приказу командира полка, генерала А. М. Грекова. Через Новороссийск, Стамбул, остров Лемнос и Белград они попали во Францию, где по инициативе и на средства эмигрантов, членов Объединения лейб-казаков, музей был в 1929 г. вновь открыт, первоначально в г. Аньере (рабочем пригороде Парижа). Затем для него удалось приобрести дом в Курбеуа, где стали селиться донские казаки. Приобретя на свои скудные средства небольшой двухэтажный каменный дом, они переоборудовали его второй этаж в церковь, назвав ее в память разрушенной большевиками святыни храмом Христа Спасителя. В залах музея выставлены: портреты 27 полковых командиров (в том числе одного из героев Отечественной войны 1812 года генерала, графа В. В. Орлова-Денисова); комплекты и отдельные части униформы полка (к примеру, мундир с заплаткой простого казака образца 1814 г.); российские ордена, медали, штандарты и почетные серебряные трубы; гравюры с батальными сценами, в том числе, сражения под Фер-Шампенуа 13 марта 1814 г.; личные вещи генерала П. Н. Врангеля (походный китель, погоны, значок); на блюде небольшая горка картечи, собранной на Бородинском поле; старинная полковая посуда; фотографии; документы полковой канцелярии. В 1937 г. эмигранты переправили часть наиболее ценных материалов на хранение в Брюссель, в Королевский Военный музей,

¹ Струве П. Б. Связь и смена поколений // Возрождение. 1925. № 191. 10 декабря (перепечатано: Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935) / Вступ. ст. М. Г. Вандалковской, Н. А. Струве; Подгот. текста, коммент., указатели А. Н. Шаханова. М.; Париж, 2004. С. 77-78).

² См.: Домнин И. В. Источниковая база изучения жизни и творчества воинства Русского зарубежья // Проблемы зарубежной архивной россики. М., 1997. С. 141-149; Пронин А. А. Историография российской эмиграции. Екатеринбург, 1999; Еришов В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М., 2000; Волков С. В. Русская военная эмиграция: издательская деятельность. М., 2008.

опасаясь, что правительство Народного фронта передаст их властям СССР. Но музей в Курбевуа сохранился³. Им ведает Объединение лейб-гвардии Казачьего полка, состоящее сегодня не из самих его офицеров, как в прежнее время, а из их потомков. Ежегодно оно совместно с Казачьим союзом, Союзом казаков-комбатантов и Объединением лейб-гвардии Атаманского полка устраивает в октябре войсковой праздник Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, который по традиции начинается панихидой около памятника казакам на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. В начале 1960-х гг. было издано на гектографе несколько номеров Информационного бюллетеня Объединения лейб-казаков, в которых рассказывалось о деятельности музея. Его посетители, побывав в Курбевуа, и сегодня могут соприкоснуться с реликвиями воинской славы России⁴.

Во многом напоминает его судьбу история Музея лейб-гвардии Атаманского его императорского высочества Государя-наследника цесаревича полка, сформированного еще до революции в Санкт-Петербурге. В 1917 г. его коллекции были переправлены в Таганрог, откуда – в Новороссийск. В Новороссийской катастрофе при спешной эвакуации в марте 1920 г. под ударами наступавшей Красной Армии уцелело всего лишь семь ящиков с имуществом полкового собрания и музея, для перевозки которого ранее требовалось восемь вагонов. Сохранившаяся чудом часть реликвий пропутешествовала через Константинополь, Египет, Болгарию, Сербию во Францию, где музей был возрожден в 1931 г. русскими эмигрантами – членами Общества атаманцев. Первоначально разместившийся в помещении полкового собрания в Сен-Клу, а с апреля 1932 г. в Аньере, он, как и другие эмигрантские музеи, существовал на членские взносы и добровольные пожертвования. Экспозиция и архив музея включали императорские грамоты, документы полковой канцелярии с подписями А. В. Суворова, М. И. Платова, других военачальников, мундиры августейших шефов и исторические формы полка, штандарты, походные иконы, портреты шефов и полковых командиров, гравюры, фотографии, редкие книги⁵.

Хранителем этого музея в 1930-е гг. был Николай Николаевич Туроверов (1899–1972), на личности которого стоит остановиться подробнее. Уроженец станицы Старочеркасской на Дону, после окончания реального училища поступил вольноопределяющим в лейб-гвардии Атаманский полк, в котором дослужился до звания подьесаула, участвуя в Первой мировой и Гражданской войнах. В эмиграции он жил сначала в Сербии, а затем в Париже, где, работая грузчиком, учился в Сорбонне, в течение 37 лет служил в одном из банков, в начале Второй мировой войны воевал в составе Иностранного легиона Франции в Африке и получил известность как поэт, автор пяти книг поэм и стихов⁶. Особой популярностью пользуется его стихотворение «Уходили мы из Крыма». Будучи председателем Казачьего союза, Н. Н. Туроверов много сил отдавал музею, собирал всю жизнь книги, рукописи, гравюры по истории казачества, устраивал интересные тематические выставки.

³ Возрождение. Париж. (№ 2153). 25 апреля 1931 г.; Часовой. Париж. 1930. № 23. С. 28; 1930. № 24. С. 29; 1930. № 28. С. 7; 1939. № 230. С. 16; Информационный бюллетень Объединения лейб-казаков. Париж, 1961. № 1–2; 1963. № 4; *Кузнецов А. А.* О Белой армии и ее наградах 1917–1922 гг. М., 1991. С. 17–18.

⁴ *Чельшев Е. П.* Уральская катастрофа. М., 1996. С. 18–19.

⁵ Часовой. 1931. № 47. С. 8–9; 1932. № 78. С. 28.

⁶ Писатели русского зарубежья (1918–1940). Справочник. М., 1995. Ч. III. С. 23–27; *Туроверов Н. Н.* Двадцатый год – прощай, Россия! / Предисловие и составление В. Леонидова. М., 1999. С. 5–16.

Музей Александрийского гусарского полка существовал в 1920–1930-е гг. в Ментоне (на юго-востоке Франции). Он возглавлялся председателем полкового объединения полковником С. А. Топорковым и был тесно связан с деятельностью Общества ревнителей истории русской конницы, возникшего в Париже в 1934 г. Последнее поддерживало контакты с Музеем русской конницы в Белграде и другими аналогичными эмигрантскими объединениями⁷. Его члены активно занимались сбором документов, книг, рукописей, фотографий, гравюр, рисунков, портретов, предметов вооружения и обмундирования, иллюстрировавших действия кавалерийских частей в войнах начала XX в.

В Париже также находился музей Союза конногвардейцев имени великого князя Дмитрия Павловича. В его стенах экспонировались материалы по истории лейб-гвардии Конного полка, собранные флигель-адъютантом, полковником В. Ф. Козляниновым: портреты российских императоров и императриц, коллекция форм конногвардейцев до 1914 г., образцы холодного оружия и офицерской амуниции; батальные гравюры; акварели с изображениями полковых штандартов; кирасы и каски; серебряное паникадило из полкового Благовещенского собора в Санкт-Петербурге; фотографии; рукописные документы. Музей полка получал финансовую и моральную поддержку от великого князя Дмитрия Павловича⁸. Полк ведет свою историю от личного конного конвоя А. Д. Меншикова, созданного еще в 1706 г. в Киеве. После Октябрьской революции почти весь офицерский состав конной гвардии эмигрировал, большинство офицеров обосновалось во Франции, где в 1923 г. в Париже был создан Союз офицеров Лейб-гвардии Конного полка, переименованный в 1939 г. в Объединение, которое существует до настоящего времени как Объединение потомков конногвардейцев. В декабре 1929 г. общим собранием Союза конногвардейцев было принято решение об издании «Истории Л.-гв. Конного полка», работа над которой началась еще в России. Историческую комиссию возглавил герцог Г. Н. Лейхтенбергский, который написал 1-й и начал работу над 2-м томом. После революции 1917 г. рукопись удалось вывезти в Германию, но смерть помешала автору завершить работу. Ее продолжила группа офицеров: Н. Н. Бобриков, А. П. Тучков, В. И. и Г. И. Вуичи во главе с В. Ф. Козляниновым. В 1931 г. была издана «Юбилейная памятка конногвардейца». Конногвардейцы собирались на квартире Козлянинова, где размещался полковой музей, хранивший материальные памятники по истории полка. Кстати, музей полка возник еще в России и первым его хранителем был отец В. Ф. Козлянинова, также конногвардеец. А издание «Истории Л.-гв. Конного полка» (в четырех томах), которое финансировали великий князь Дмитрий Павлович и князь С. С. Белосельский-Белозерский, затянулось без малого на три десятилетия: 1-й том вышел в 1938 г. тиражом 100 экземпляров, последний – в 1966 г.

Русский военно-морской музей при кают-компаниях бывших офицеров императорского флота в Париже возглавлял контр-адмирал Павел Остелецкий, бывший порт-артурец, командовавший в годы Гражданской войны самым, пожалуй, боеспособным кораблем белых на Черном море – крейсером «Кагул», который после взятия Одессы в августе 1919 г. получил новое имя «Генерал Корнилов». На нем же П. Остелецкий в ноябре следующего года вместе с 14-летним сыном Николаем ушел на чужбину. В 1986 и 1988 гг. бывшим гардемаринном Российского флота, гражданином Франции Николаем Павловичем Осте-

⁷ Часовой. 1934. № 133-134. С. 33-34.

⁸ Часовой. 1929. № 11-12. С. 17-18, 31; 1929. № 15-16. С. 18; 1934. № 121. С. 30-33; *Козлянинов В. Ф.* Юбилейная памятка конногвардейца. Париж, 1931.

лецким были переданы на Родину, в Музей истории Черноморского флота (Севастополь) от имени русских морских семей эмигрантов ряд флотских реликвий, в том числе: огромный по площади (30 кв.м) кормовой флаг линкора «Императрица Мария»; портрет (фото с литографией) адмирала П. С. Нахимова с его орденом св. Георгия IV степени; картины И. К. Айвазовского «Адмирал П. С. Нахимов на Малаховом кургане» (1893 г.) и «Вице-адмирал В. А. Корнилов на палубе парохода-фрегата «Владимир» (1893 г.); серебряная чарка, подаренная мичману Татарскому сослуживцами-офицерами заградителя «Прут», героически погибшего в бою с немецким крейсером «Гебен» в октябре 1914 г.⁹

Члены группы Военно-морского союза собрали в своей кают-компании в Марселе живописные полотна с изображениями сражений парусного флота, морских битв времен Первой мировой войны, а также портреты российских императоров и знаменитых адмиралов, предметы корабельной обстановки¹⁰.

Общество по изучению минувшей мировой войны (так оно стало именоваться в эмигрантских публикациях еще до начала Второй мировой войны) устраивало в Париже публичные лекции. В марте 1946 г. в Париже возник Кружок любителей русской военной старины, переименованный позже в «Общество Ревнителеев Русской Военной Старины» (ОРРВС), в деятельности которого участвовали генерал Д. И. Ознобишин, П. В. Пашков, А. К. Савицкий, А. А. Стахович, Ю. А. Топорков, Н. Н. Туроверов.

При Русском народном (свободном) университете в Праге был создан кружок по истории мировой войны 1914–1918 гг., которым руководили участники войны, профессора Николаевской военной академии Генерального штаба: генерал-майор М. А. Иностранцев (1872–1938); генерал-майор П. Ф. Рябиков (1875–1932)¹¹. Сохранились схемы военных операций на фронтах Первой мировой войны, составленные М. А. Иностранцевым; с 1926 г. он читал курс лекций по истории Первой мировой войны в Военной академии Чехословакии¹².

Аналогичная работа велась русскими эмигрантами и в Китае. Полковник Генерального штаба Николай Владимирович Колесников учредил 27 ноября 1924 г. при газете «Россия», издававшейся в Шанхае, Военно-научное общество и в мае 1930 г. был избран пожизненным его председателем. С 1926 г. это общественное объединение стало издавать журнал «Армия и Флот», спустя три года открыло клуб с лекционным залом, читальней, комнатой для военных игр и музеем. В него входили около 30 человек. Но 30 апреля 1930 г. из-за внутренних конфликтов оно сменило название на «Первое Русское Военно-Научное Общество в Китае» и превратилось в закрытую полувоенную организацию, членами которой могли стать только приглашенные высшие штабные офицеры, в том числе из других стран (США, Германии, Италии, Франции, Японии), желавшие ознакомиться с боевым опытом офицеров бывшей Российской армии. Общество продолжало функционировать до 1945 г., когда было закрыто¹³.

⁹ Черкашин Н. Под пальмами Бизерты // Родина. 1996. № 12. С. 64.

¹⁰ Часовой. 1932. № 72. С. 27.

¹¹ Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 305, 358; Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000 гг.). Путеводитель. М., 2001. Т. 5. С. 198–199, 393.

¹² ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1.

¹³ Ожороков А. В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. М., 2003. С. 11.

Как и во Франции, военные стали наиболее организованной частью эмиграции в Югославии, куда в 1921 г. эвакуировались из Турции остатки армии П. Н. Врангеля. Различные документы о Первой мировой войне (доклады, донесения, инструкции, приказы, карта Персии с данными о расположении частей Кавказского кавалерийского корпуса и др.) хранились в русской Военной библиотеке и архиве в Белграде¹⁴.

В Белграде уже в 1921 г. возник Совет объединенных офицерских обществ в Королевстве СХС (сербов, хорватов и словенцев). Через два года в него входили уже 16 офицерских обществ: Общество русских офицеров в Королевстве СХС; Общество офицеров Генерального штаба; Общество офицеров-артиллеристов; Общество полковых объединений гвардейской пехоты и сапер; Общество военных юристов; Общество военных инженеров; Общество офицеров инженерных, железнодорожных и технических войск; Общество бывших воспитанников Николаевской Инженерной академии и училища; Общество офицеров Корпуса военных топографов; Общество военных интендантов; Общество гвардейской артиллерии; Общество георгиевских кавалеров; Общество морских офицеров; Общество пажей; Общество бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища; Общество офицеров Корпуса военно-воздушного флота. Позже были созданы и учреждены «Союз полковых объединений офицеров гвардейской пехоты и гвардейских сапер» и «Русское офицерское собрание»¹⁵. И некоторые из перечисленных выше обществ формировали свои музейно-архивные коллекции.

Центром притяжения для многих эмигрантов стал Русский дом в Белграде (ул. Королевы Наталии, 33), открывшийся в торжественной обстановке 9 апреля 1933 г. Он был построен при поддержке короля Александра I Карагеоргиевича, по проекту архитектора В. Ф. Баумгартена, выходца из России. Выступая на открытии Русского Дома, сербский академик Александр Белич, председатель Комитета русской культуры, заявил: «Для всех многосторонних отраслей эмигрантской культурной жизни нужно было создать центр, который бы с одинаковой любовью и независимо от местопребывания принял к себе тех, в ком горит живой пламень русского духа»¹⁶.

В 1928 г. в Белграде по решению общего собрания офицеров-кавалеристов возник Музей русской конницы, в основу его коллекций было положено собрание Белгородского уланского полка. Первоначально (с 1930 г.) он размещался в Русском офицерском доме (ул. Дечанска, 18), позднее переехал в Русский Дом имени императора Николая II. В музее экспонировались и хранились в фондах полковые знамена, значки, эмблемы, трубы; портреты августейших шефов конных полков и известных кавалерийских военачальников Д. В. Давыдова, М. И. Платова и др.; образцы военного снаряжения и обмундирования; картины, гравюры, фотографии, карты, схемы сражений, книги; списки личного состава, раненых, убитых, Георгиевских кавалеров; другие материалы по истории полков русской

¹⁴ Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. С. 240-241.

¹⁵ Даватц В. Х., Львов Н. Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923; Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). М.; Göttingen, 1994. С. 69-75.

¹⁶ Русский дом имени императора Николая II в Белграде. Белград, 1933; Часовой. 1939. № 236-237. С. 10; Джурич О. Шестьдесят лет Русскому дому имени императора Николая II в Белграде (1933–1993) // Культурное наследие российской эмиграции. М., 1994. Книга первая. С. 60; Дурић О. Шездесет година Русског дома императора Николаја у Београду (1933–1993) // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Београд, 1994. Т. I. С. 126.

кавалерии и конных артиллерийских батарей¹⁷. Его деятельностью руководила музейная комиссия во главе с генералом Е. В. Ивановым. Музей имел своих представителей, почетных членов и сотрудников на общественных началах в других городах Югославии, а также в Германии, Китае, Прибалтике, Польше, Франции, Чехословакии, Албании, США¹⁸. Даже в годы Второй мировой войны продолжались музейные праздники, собирались пожертвования на дальнейшее развитие Музея русской конницы, но в конце 1944 г. после освобождения Белграда частями Красной Армии и Народно-освободительной армии Югославии он был закрыт.

В Русском Доме нашлось место и для небольшого музейного собрания при «Обществе офицеров Российского военно-воздушного флота в Югославии», и для Объединения галлиполийцев¹⁹. В Русском офицерском собрании в Белграде возник импровизированный музей лейб-гвардии Уланского полка²⁰. Собственные коллекции имели общества бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища офицеров, лейб-гвардии Волынского и 81-го пехотного Апшеронского полков, Первопоходников; члены русского военного собрания в г. Суботице (Сербия); воины лейб-гвардии дивизиона Кубанских и Терской сотен на станции Белиште у г. Осиек (Хорватия)²¹.

Весьма представительным являлось собрание Музея Первого Русского кадетского корпуса имени великого князя Константина Константиновича, созданного в сентябре 1925 г. в г. Бела-Црква (Белая Церковь) по инициативе его директора, видного военного педагога, генерал-лейтенанта Бориса Викторовича Адамовича (1870–1936). В литературе он иногда именуется как Русский Зарубежный музей военно-учебных заведений. Корпус со временем включил в свой состав расформированные Донской и Крымский кадетские корпуса. Его музейная экспозиция постоянно расширялась. На 1930 г. в ней насчитывалось 2 000, а через два года – уже 3 000 экспонатов, которые вместе с фондами подразделялись на несколько отделов: русский военный; зарубежных военно-учебных заведений; орденов, медалей, почетных и памятных знаков, печатей, монет, денежных ассигнаций и почтовых марок; П. Н. Врангеля; шефский, посвященный великому князю Константину Константиновичу. С высоких стен склонялись 46 полковых знамен русской армии, знамена кадетских корпусов; кроме них экспонировались различные знаки отличия, части обмундирования, печати, фотографии, фанфары, погоны, документы, книги, картины. У посетителей неизменно вызывали интерес стол и скамья, у которых в 1918 г. погиб Л. Г. Корнилов, личные вещи и другие реликвии, связанные с генералом П. Н. Врангелем (шинель, фуражка, шашка, кинжал, надгробные венки, ленты, доски, эмблемы). При корпусе существовали еще два небольших музея: лейб-гвардии Кексгольмского пехот-

¹⁷ Попов А. В. Русское зарубежье и архивы. Документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. М., 1998. С. 57–58. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV); Соколова Е. И. Музей русской конницы в Белграде // Военно-исторический журнал. 2001. № 11. С. 41.

¹⁸ Документы о деятельности музея хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (Далее – ГАРФ). (Ф. Р-6800). См. также: Часовой. 1932. № 74. С. 21; 1935. № 148–149. С. 32; 1936. № 165–166. С. 36; 1937. № 184. С. 22; 1938. № 204. С. 24; 1939. № 231. С. 24; 1939. № 236–237. С. 36–37; Русское дело. № 28. 12 декабря 1943 г.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 4 (2). Л. 87; Часовой. 1939. № 236–237. С. 22; Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе. С. 73; Русский Белград. С. 24–25.

²⁰ Часовой. 1931. № 52. С. 14.

²¹ Брежов Б. Русские музеи и архивы вне России. [Б.м., Б. г.] С. 5; Богословский А. В. Русские памятники и музеи в Югославии // Часовой. 1939. № 236–237. С. 30–32.

ного полка и Виленского военного училища, сформированные их бывшим командиром и начальником Б. В. Адамовичем, подготовившим к печати «Опись Музея Первого русского Великого князя Константина Константиновича Кадетского корпуса» с перечнем и описанием 3 000 предметов общим объемом около 18 печатных листов, но для ее издания так и не удалось собрать необходимую сумму – 18 000 югославских динаров²². В музейном собрании Кексгольмского полка на сентябрь 1935 г. насчитывалось 1 147 единиц хранения. Его основатель еще до революции опубликовал «Пособие для составления полковых историй и устройства музеев» и статью «Хранение старых знамен»²³. Один из эмигрантов, П. Борин, посвятил генералу Б. В. Адамовичу свое стихотворение «В музее корпуса», в котором есть такие строки:

Вхожу в музей, и старина седая
Суворовских развернутых знамен,
Из тлеющего шелка вырастая,
Встречает славою былых времен ...
Вот стол, как жертвенник, с венком терновым,
За ним Корнилов отдал жизнь свою,
Когда он шел за жребием суровым
И храбро пал за Родину в бою!
И Врангеля заветные предметы
Размещены заботливой рукой:
Шинель его, фуражка, эполеты
И масса лент с прощальной строкой ...²⁴.

В 1935 г. над Русским кадетским корпусом нависла угроза закрытия, но, несмотря на все финансовые и политические неурядицы, он продолжал функционировать даже в период немецко-фашистской оккупации Югославии. Когда в декабре 1943 г. из Белграда в Белу Цркву с инспекцией приезжал начальник Бюро русской эмиграции, генерал-майор В. В. Крейтер во время молебна в корпусную церковь вынесли из музея для освящения хранившееся там знамя Полоцкого кадетского корпуса²⁵. Дальнейшую судьбу кадетских музейных коллекций после освобождения Сербии в 1944 г. проследить трудно. Лишь часть экспонатов музея Русского кадетского корпуса в Белой Церкви вывезли в СССР²⁶.

Как и в других странах, казачьи колонии именовались на Балканах станицами и хуторами. Проживавшие в них донские, кубанские и терские казаки, стремившиеся (в меру возможностей, конечно) сохранить свои национально-культурные традиции, соблюдали православные обычаи, устраивали праздники, собирали военно-историческую и художественную литературу на русском языке. Функционировало «Общественное представительство казачьих станиц и хуторов в Югославии». Кубанская и терская канцелярии издавали в 1920-е гг. в Белграде ежемесячную газету «Кавказский казак». Нередко казачьи офицеры читали лекции и проводили беседы по истории казачества и русской армии.

²² Россия и славянство. Париж. № 74. 26 апреля 1930 г.; № 80. 7 июня 1930 г.; № 200. 24 сентября 1932 г.; Часовой. 1929. № 15-16. С. 5; 1930. № 32. С. 23, 27; 1930. № 34. С. 19; 1932. № 89. С. 21; 1935. № 146-147. С. 21; 1936. № 165-166. С. 13; 1936. № 167-168. С. 14; 1936. № 169. С. 31; 1936. № 170. С. 31.

²³ Витковский В. К. Верный до гроба // Часовой. 1936. № 167-168. С. 14.

²⁴ Часовой. 1936. № 169-170. С. 31.

²⁵ Русское дело. Белград. № 28. 12 декабря 1943 г.

²⁶ Кованько Г. А. Ужин в Москве // Кадетская переключка. 1990. № 48. С. 158.

В Белградской крепости Калемегдан хранились регалии Кубанского казачьего войска (знамена, штандарты, иконы, грамоты российских императоров, парадные мундиры и др.).

В 1921–1925 гг. в этой же крепости находились и реликвии Войска Донского, перевезенные затем в Прагу, а в 1945 г. возвращенные в Новочеркасский музей истории донского казачества. Там же временно сберегались штандарты лейб-гвардии Казачьего полка, 7-го гусарского Белорусского полка²⁷.

Реликвии российской военной истории поступали на хранение и в православные храмы, основанные эмигрантами в Югославии. Особенно ценным было собрание русской церкви Св. Троицы в Белграде, построенной в 1924 г. по проекту военного инженера В. В. Шашевского в Ташмайданском парке²⁸. В правом притворе церкви под мраморным надгробием покоится прах генерала П. Н. Врангеля, захороненный в 1929 г. Рядом с ним разместились особо почитаемая икона Курской богородицы, коллекции орденов и медалей, серебряных труб и других знаков отличия русской армии, 19 штандартов кавалерийских полков (Киевского гусарского, Астраханского драгунского, Чугуевского уланского, Текинского конного и др.), знамя Уральского казачьего войска, частей Добровольческой армии. У знамен постоянно выставлялся почетный воинский караул из числа эмигрантов. В годы Второй мировой войны часть знамен была вывезена в неизвестном направлении немецкими оккупационными властями, пропали и другие реликвии, поэтому после ее окончания пришлось практически заново создавать здесь музейное собрание. И сейчас, побывав в домике напротив Русского храма Белграда, можно увидеть самые разнообразные предметы прошлого: русские картины; оружие; старинное распятие; ордена и медали; нагрудные знаки военных и кадетских училищ; погоны; кокарды; коллекцию брошек, сделанных из пуль, которые были извлечены из раненых солдат и офицеров²⁹.

Существовали в Югославии и частные коллекции российских военных раритетов. В сентябре 1931 г. к десятилетию Сараевского отдела Общества русских офицеров в Югославии энтузиасты из числа эмигрантов подготовили для обозрения из своих собраний портреты российских государей, шефов различных полков; исторические формы лейб-гвардии Волынского и Егерского полков; материалы по истории военно-учебных заведений; документы, фотографии боев времен Первой мировой и Гражданской войн³⁰.

Художник Евгений (Эжен) Семенович Молло (1904–1980), поселившийся в 1924 г. в Лондоне, положил начало своей коллекции предметов русской воинской славы, превратившейся со временем в крупнейший домашний музей такого рода за рубежом³¹. Он целенаправленно собирал все, что имело отношение к данной теме: картины и гравюры с изображениями сражений; автографы и портреты известных военачальников, награжденные грамоты, образцы обмундирования, ордена и медали и прочие знаки отличия; фарфор;

²⁷ Часовой. 1929. № 5-6. С. 28-29.

²⁸ *Никифоров К. В.* Русский Белград. (К вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 33-36; *Антонов В. В.* Эмигрантские храмы Европы 1920–1960 гг.: историко-архитектурный аспект // Зарубежная Россия. 1917–1945. СПб., 2004. Кн. 3. С. 124.

²⁹ *Даватц В.* Годы. Очерки пятилетней борьбы. С приложением полного списка знамен и регалий русской армии, хранящихся в Русской церкви в Белграде. Белград, 1926; Часовой. 1929. № 7-8. С. 16; 1931. № 62. С. 13, 27; 1932. № 71. С. 10-11; *Баширова Г. Б., Васильев Г. В.* Путешествие в Русскую Америку: Рассказы о судьбах эмиграции. М., 1990. С. 314-331.

³⁰ Часовой. 1931. № 70. С. 26.

³¹ *Зильберштейн И. С.* Дело жизни // Огонек. 1986. № 36. С. 9; *Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л.* Художники русской эмиграции (1917–1941). Биографический словарь. СПб., 1994. С. 337-338.

бронзовое литье. Перу коллекционера принадлежит небольшая работа «Русские офицерские знаки», изданная в Париже в серии «Военно-историческая библиотека» журнала «Военная быль».

Некоторые из эмигрантских военно-исторических коллекций поступили в 1930-е гг. на хранение в государственные музеи европейских государств. Образцы русской военной формы времен Первой мировой войны, демонстрирующиеся в парижском Музее Армии, явно попали туда при посредничестве эмигрантов. Таким же образом сформировался довольно представительный Русский отдел Королевского Военного музея в Брюсселе (основан в 1936 г.) с витринами Российского императорского флота, русских военных изданий³². В нем экспонируются военно-морские флаги, ордена, медали, восковые фигуры морских офицеров и матроса, различные документы по истории армии и флота. Возглавлял брюссельскую кают-компанию офицеров русского флота капитан I ранга Сергей Поливанов, скончавшийся в преклонном возрасте в 1965 г. и отличившийся еще во время Русско-японской войны. В ночь на 20 декабря 1904 г. 22-летний мичман Поливанов на катере «Храбрый», прорвавшись сквозь японскую блокаду, доставил из Порт-Артура в Чифу знамена порт-артурского гарнизона и морского экипажа, а также важные телеграммы на имя императора Николая II. В годы Гражданской войны он служил на Севере России, откуда вместе с другими русскими моряками перебрался на корабле через ледяные торосы в норвежский порт Хаммерфест³³.

Отрадно, что дело русских эмигрантов первой волны сегодня продолжают их потомки, а также поклонники русской истории и культуры. Фонд сохранения русского культурного наследия в Европе, созданный не так давно в Брюсселе первоначально в рамках сотрудничества Общества друзей Королевского Музея армии и Русско-Бельгийского культурного клуба, затем стал независимой организацией, которую возглавил в качестве президента Даниэль-Поль Стевенс, вице-президент Бельгийско-Люксембургской торговой палаты по сотрудничеству с Россией³⁴.

В журнале «Часовой» за 1934 г. (№ 116–117) появилась информация о продолжении работы по созданию Морского музея в Альтенбурге, небольшом немецком городе к югу от Лейпцига. Она началась годом ранее по инициативе почетного члена эмигрантского Военно-Морского союза, княжны Веры Константиновны Романовой (1906–2001), решившей помочь российским морякам в сохранении реликвий с целью передачи их в будущем в Морской музей императора Петра Великого, основанный в Санкт-Петербурге при Адмиралтействе еще в 1805 г. и переименованный в советский период в Центральный военно-морской музей. Она хорошо знала и помнила о роли флота в жизни и деятельности своего деда по отцовской линии – великого князя Константина Николаевича (1827–1892). Генерал-адмирал и шеф Гвардейского экипажа, он с 1853 по 1881 гг. являлся главноуправляющим Императорским флотом и Морским ведомством, не раз совершал плаванья и внес значительный вклад в модернизацию военно-морского флота России. Флотским офицером начинал службу и ее отец, великий князь Константин Константинович, награжденный орденом Св. Георгия 4-й степени за храбрость, проявленную в период Русско-турецкой

³² Часовой. 1934. № 128. С. 27; 1939. № 228-229. С. 35; № 238-239. С. 38.

³³ Черкашин Н. Под пальмами Бизерты. С. 66.

³⁴ См.: Мамонтова Е. Опись архивного фонда Ассоциации бывших воспитанников императорского Александровского лицея, хранящегося в Королевском Музее армии и военной истории Бельгии. Брюссель, 2001. С. 184-185.

войны 1877–1878 гг., когда служил в экипаже фрегата «Светлана». В памяти тогда девятилетней девочки, по-видимому, запечатлелся и Андреевский флаг, покрывавший гроб с телом отца во время погребальной церемонии. «Море было всегда моей страстью», вспоминала она уже на склоне лет³⁵.

В числе музейных экспонатов, собранных Верой Константиновной в Германии, в прессе упоминались: кормовой флаг с подводной лодки «Святой Георгий»; вещи с канонерской лодки «Бобр»; ленты с многих кораблей Балтийского и Черноморского флотов; части морского обмундирования; ценные гравюры, открытки и фотографии с изображениями русских кораблей; рукописи, документы и удостоверения, повествующие о жизни российских моряков в Бизерте и Морского корпуса в Джебель Кебире. Наряду с ними в Альтенбургском замке сформировалась библиотека с книгами о русском флоте³⁶.

По характеру Морской музей в Альтенбурге был похож на частное собрание реликвий в Бизерте (Тунис) бывшего подводника, капитана Нестора Александровича Монастырева (1887–1957), автора ряда книг и воспоминаний о российском военно-морском флоте, редактора «Морского сборника». Будучи студентом Московского университета, он в 1912 г. поступил вольноопределяющимся на военно-морскую службу, в годы Первой мировой и Гражданской войн командовал подводными лодками на Черном море, за минирование Босфора (1915 г.) был награжден Георгиевским крестом. В 1923 г. Н. А. Монастырев из Бизерты перебрался в Табарку (на западе Туниса), где французские колониальные власти предоставили место врача его жене Людмиле Сергеевне³⁷. Музейное собрание Н. А. Монастырева включало изготовленные им собственноручно модели кораблей, участвовавших в Первой мировой войне (главным образом подлодок «Кашалот», «Краб», «Скат», «Утка» и др.), в дальних географических экспедициях, в том числе в Арктике; русские ордена и погоны; холодное оружие; книги; фотографии; военно-морские флаги и другие экспонаты³⁸.

26 мая 1924 г. в США, в Сан-Франциско, русскими эмигрантами-офицерами было учреждено «Общество Ветеранов Великой войны», первым председателем которого стал бывший военный министр правительства адмирала А. В. Колчака генерал-лейтенант Генерального штаба барон А. П. Будберг (в должности он оставался до 15 декабря 1945 г.). С мая 1926 г. по 1966 г. было выпущено 234 номера «Вестника Общества Ветеранов Великой войны в Сан-Франциско». В 1944 г. при Обществе стала формироваться небольшая музейная коллекция оружия, моделей пушек, орденов, значков военных училищ, мундиров, портретов, фотографий. А в 1955 г. полковник Б. А. Долгово-Сабуров основал музей, разместившийся в здании, которое было приобретено на средства членов Общества русских ветеранов. В нем хранятся также документы по истории кадетских корпусов в эмиграции,

³⁵ См.: *Скотт С.* Романовы. Царская династия. Кто они были? Что с ними стало? Екатеринбург, 1993. С. 296-306.

³⁶ Часовой, 1934. № 116-117. С. 39; 1935. № 146-147. С. 15.

³⁷ Узники Бизерты: Документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920–1925 гг. М., 1998; *Горячкин Г. В., Гриценко Т. Г., Фомин О. И.* Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920–1939 гг.). М., 1999. С. 67-68; Бизертинский морской сборник. 1921–1923. Указатель статей. Биографии авторов / Сост. В. В. Лобыцын. М., 2000. С. 8-9; Бизертинский морской сборник. 1921–1923. Избранные страницы. М., 2003. С. 541.

³⁸ Часовой. 1934. № 131-132. С. 18.

военных обществ и союзов, личные фонды, в частности, документы русского военного летчика Г. Л. Шереметевского³⁹.

Кроме того, своеобразный Музей русской воинской славы был создан там же, в Сан-Франциско, в Доме Святого Владимира – городском центре российских монархистов, кадетов и их потомков.

Приказом от 8 апреля 1929 г. была сформирована Русская батарея 244-го артиллерийского полка береговой обороны национальной гвардии штата Нью-Йорк. 52 бойцам-добровольцам этой части, обмундированным в уставную форму Национальной гвардии США, согласно распоряжению командира полка полковника Терри, разрешалось носить ордена и другие знаки отличия, полученные ими в годы Великой (Первой мировой) войны в рядах Российской армии⁴⁰.

В 1948 г. Петр Филаретович Константинов (агроном по профессии) основал в Сан-Франциско Музей русской культуры. Он ставил своей задачей собирать мемуары, книги, газеты, журналы, а также общественные и частные архивы русской эмиграции. Архивное собрание музея включает материалы о Русско-японской и Первой мировой войнах⁴¹.

Самый крупный в США русский зарубежный музей и архив разместились в здании общества «Родина» в Хоуэлл, у г. Лейквуда, в штате Нью-Джерси. Это общество сразу же после своего создания (1954 г.) превратилось в крупный культурно-просветительский центр российской эмиграции. Самым важным направлением в деятельности общества было спасение ценнейших материалов по русской истории и создание по инициативе В. П. Стеллецкого в 1958 г. музея. Его собрания пополнялись за счет поступлений коллекций организаций и отдельных лиц из числа эмигрантов, материалов целого ряда эмигрантских музеев: Николаевского кавалерийского училища из Парижа, лейб-гвардии Семеновского, Измайловского и Павловского полков, Русской конницы, Константиновского артиллерийского училища, Морского объединения. В фондах музея оказались коллекции орденов и медалей, оружия, русской военной формы, знамена.

Символом журнала «Часовой» (органа связи русского воинства и национального движения за рубежом), издававшегося с 1929 г. В. В. Ореховым сначала в Париже, а затем в Брюсселе, стал Георгиевский крест на фоне Георгиевской ленты. Культурно-просветительский отдел Бюро по делам русской эмиграции в Харбине в январе 1944 г. утвердил инструкцию № 14, в которой устанавливался перечень официальных национальных праздников для эмигрантов из России. Эмигранты в Маньчжурии, в частности, отмечали: 6 мая – День св. Георгия Победоносца (праздник российских воинов); 12 июня – День рождения Петра Великого; 11 сентября – День памяти российских героев⁴².

Много внимания эмигрантами уделялось уходу за могилами русских воинов, сражавшихся в годы Первой мировой войны в составе экспедиционного корпуса во Франции и захороненных в Мурмелоне, у г. Реймса. 19 апреля 1936 г. там в торжественной обстановке состоялась закладка храма-памятника русским солдатам и офицерам, павшим на французском фронте. Композитор С. В. Рахманинов пожертвовал 12 000 франков (весьма

³⁹ Попов А. В. 1) Документы по истории Первой мировой войны в музеях и архивах русского зарубежья // Российские и славянские исследования: научный сб. Минск. 2007. Вып. 2. С. 115-122;

2) Военные музеи и архивы русского зарубежья. С. 209-213.

⁴⁰ Огороков А. В. Русская эмиграция. С. 169.

⁴¹ Меняйленко М. К. Музею русской культуры в Сан-Франциско – 60 лет // Отечественные архивы. 2008. № 1. С. 23-31.

⁴² Печерица В. Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток, 1998. С. 261.

значительную по тем временам сумму) на строительство храма-памятника Воскресения Христова, возведенного в 1937 г. архитектором А. А. Бенуа в стиле новгородско-псковского зодчества XV–XVI вв.⁴³ В церемонии открытия участвовали А. И. Деникин, другие генералы и офицеры, председатель комиссии по сооружению часовни-памятника М. М. Федоров. В ходе церемонии отслужили панихиду и возложили венки на могилы от «Союза Георгиевских кавалеров» и «Союза офицеров-участников войны на французском фронте»⁴⁴. Вот какие проникновенные строки посвятил этому православному храму-памятнику историк Виктор Леонидов:

Здесь все буднично и просто –
Гул войны давно умолк.
Лишь часовня над погостом,
Где пехотный славный полк.
Отгremели все снаряды,
Приняла солдат земля,
Дрались русские бригады
За французские поля ...

По какому-то совпадению в том же 1936 г., 12 января, на русском кладбище в Белграде торжественно открыли памятник защитникам Белграда в 1914–1915 гг., императору Николаю II и русским воинам, павшим в годы Первой мировой войны. Добровольные пожертвования на строительство монумента собирал общественный русско-сербский комитет⁴⁵. Памятник был сооружен по проекту скульптора Р. Н. Верховского из серого камня, в форме огромного артиллерийского снаряда, под которым находится часовенка-склеп с надписью над железной дверью: «Спите, орлы боевые»⁴⁶. Несколько мемориальных надписей выгравированы и на самом памятнике: «Вечная память Императору Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны»; имена вождей Белого движения и жертвователей на строительство монумента; названия различных воинских союзов и объединений (на русском языке); «Храбро павшим братьям русским на Солунском фронте 1914–1918 гг.» (по-сербски). В склепе лежат останки русских солдат и офицеров. Туда перевезли с другой братской могилы русских воинов большой крест, изготовленный благодарными сербами из железнодорожных рельсов, с надписью: «Русские герои, жизнь свою положившие за свободу Сербии».

Могилы русских воинов, погибших в 1914 – 1918 гг., имеются и на территории ряда других европейских стран (Греции, Польши, Румынии)⁴⁷. В 1936 г. Российский общественный комитет в Польше, проявляя озабоченность судьбой русского военного кладбища во Львове, изыскивал возможности оказать помощь возникшему в городе общественному комитету по охране могил русских воинов⁴⁸. Можно без конца перечислять другие при-

⁴³ Антонов В. В. Эмигрантские храмы Европы 1920–1960 гг.: историко-архитектурный аспект. С. 126.

⁴⁴ Часовой. 1936. № 167-168. С. 35.

⁴⁵ Часовой. 1936. № 164. С. 27.

⁴⁶ Вујовић Б. Улога руских уметника у развоју ликовне културе у Србији // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Београд, 1994. Т. II. С. 59.

⁴⁷ Жалнина-Василькиоти И. «Родной земли комок сухой». Русский некрополь в Греции. М., 2012; Фролов А. С. Культурное наследие «Зарубежной России» // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого (1919–1997). СПб.; Псков, 1998. Т. 2. С. 364-373; Романов А. А. На чужих погостах: Некрополь Русского Зарубежья. М., 2003.

⁴⁸ Часовой. 1936. № 164. С. 25.

меры такой благородной деятельности эмигрантов, сумевших в тяжелых условиях сохранить также целый ряд музейных собраний военно-исторического характера.

Некоторые реликвии, относящиеся к истории Первой мировой войны и хранившиеся эмигрантами, оказались после 1945 г. в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. И сегодня в фондах Государственного архива Российской Федерации можно увидеть, например, походную икону генерала Алексея Алексеевича Брусилова. На ее обороте рукой Надежды Владимировны Брусиловой (Желиховской), супруги генерала, сделана надпись: «Св. Алексей Человек Божий. Иконка, бывшая всю жизнь у А. А. Брусилова, бывшая с ним на войне турецкой и германской». Среди других материалов, поступивших в 1946 г. в числе прочих коллекций Русского зарубежного исторического архива (часть из них была передана в 1948 г. в Центральный государственный военно-исторический архив), можно упомянуть грамоты о награждениях А. А. Брусилова, фотографии с эпизодами Первой мировой войны (семейный фонд А. А. и Н. В. Брусиловых. (Ф. Р.-5972)).

Русские офицеры трепетно относились к полковым знаменам, и причины уважения к главному, пожалуй, символу воинского соединения хорошо пояснил генерал П. Н. Краснов: «Значение знамени громадно <...> Знамя поддерживает людей в исполнении их долга. Роль знамени – связать настоящее с прошлым и сделать будущее достойным нашей славной истории ...»⁴⁹.

Одним из русских литераторов-эмигрантов Георгием Адамовичем Гоштовтом, писавшим на военную тематику, приведены весьма точные исторические параллели этой подвижнической деятельности эмигрантской военной интеллигенции: «Сто лет тому назад во Франции коротала свой век польская эмиграция. Много среди нее находилось офицеров разгромленной в 1831-м году армии <...> Офицеры объединены были в союзы по полкам. Вечерами, собираясь вместе после трудового дня, они составляли исторические памятки и очерки боевых действий их родных войсковых частей. Теперь, в возрожденной Польской армии, полки носят старые наименования <...> Носят они и те же отличия в форме, как их далекие предшественники. Все это – внешнее; традиции же – боевые и мирного времени – вдохнуло в них печатное и рукописное слово, оставленное офицерами-эмигрантами <...> Скромная кропотливая работа польских офицеров-эмигрантов дала много полезного и, вместе, реального для будущего их родины. Мы, находящиеся за рубежом, офицеры Императорской Армии, поставившие себе целью – печатным словом увековечить жертвенное боевое служение наших частей, верим и знаем, что своею работой мы выполняем не только долг перед родными старыми полками, но и выполняем выпавшую на нас историческую миссию»⁵⁰.

Информация о статье

Автор: Муромцева Людмила Петровна – канд. ист. наук, доцент, Россия, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, muromtseva_mila@mail.ru

Заглавие: Военные музеи и музейные коллекции российской эмиграции.

Абстракт: Статья посвящена одной из важнейших сторон жизни российской эмиграции первой волны: сохранению военно-исторических реликвий Российской империи. Основное внимание уде-

⁴⁹ Краснов П. Н. Душа армии. Очерки военной психологии // Душа Армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. Сб. М., 1997. Вып.13. С. 129-131.

⁵⁰ Гоштовт Г. Кирасиры Его Величества в Великую войну. Париж, [б.г.]. С. 8-10.

ляется созданию и деятельности русских военных музеев в различных странах, их коллекциям и экспозициям, отражавшим историю частей русской армии в XIX – начале XX вв., в годы Первой мировой войны и в период Белого движения. Подробно рассказывается о подвижнической историко-мемориальной работе известных представителей русской военной эмиграции.

Ключевые слова: русская эмиграция, военная эмиграция, музей, музейная коллекция, общественный музей.

Information on article

Author: Muromtseva Lyudmila Petrovna – Candidate of Science in History, Associate Professor, Russia, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, muromtseva_mila@mail.ru

Title: Military museums and museum collections of Russian emigration.

Abstract: The article is devoted to one of the most important aspects of life of Russian emigration of the first wave: retaining of military-historical relics of the Russian empire. The principle attention is payed to the creation and activity of Russian military museums in different countries, their collections and expositions, representing the history of Russian army in the XIX century and in the beginning of the XX century, during The First World War and The White Movement. Here is written about self-sacrificing historical-memorial activity of the well-known representatives of the Russian military emigration.

Key words: Russian emigration, military emigration, museum, museum collection, community museum.